

Р.Е. Романов*

R.E. Romanov*

**Пассивный протест рабочей молодежи
Новосибирской области
в годы Великой Отечественной войны
(«письма во власть»)**

**Passive protest of working
youth of Novosibirsk region
during the Great Patriotic War
(“letters to the authorities”)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-10

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-10

УДК 94(47+571).084.8

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Романов Р.Е. Пассивный протест рабочей молодежи Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны («письма во власть») // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 138–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-10.pdf>

Romanov R.E. Passive protest of working youth of Novosibirsk region during the Great Patriotic War (“letters to the authorities”) // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 138–146. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-10.pdf>

Abstract. This article introduces in scientific circulation the “letters to the authorities”, written by a Komsomol member N.Z. Nechaeva (Tomsk) and by the students of the industrial school No. 3 (Novosibirsk), and discovered in the funds of the State Archive of the Novosibirsk Region (SAofNR). The content of these letters is essential for understanding the reasons and forms of a passive protest of working youth of the region during the Great Patriotic War. The publication of the letters is preceded by an introductory article, which analyzes the material problems and the reaction of young workers of the Siberian rear to these. It was found out that teenagers and young people experienced great difficulties in adapting to the extreme everyday life of rear cities. One of the acute problems was a considerable reduction of the real wage against the backdrop of increasing taxation and public loans, inflation due to the rapid increase in retail prices on urban markets. The wages of the majority of young workers allowed them to count on receiving only the most basic material goods: food and a roof over their heads.

The revealed negative phenomena in the sphere of the barrack life of wartime were related to the lack of living space, harsh living conditions, the shortage of manufactured goods and foodstuff, and poor quality food. A large part of young factory workers lived in the barrack-type dormitories, often without any public utilities or conveniences, was lacking in clothes and shoes, and was eating low-calorie products in the factory canteens. Material hardships and privations caused negative moods among working youth, which led to a passive protest in the form of a frequent absenteeism and unauthorized leaves.

The mass desertion from the military manufacturing was shown. Also, the practices of verbal communication between the local party, Komsomol authorities and young workers, both direct and indirect, were reconstructed. It is concluded that the protest actions of young factory workers, as a rule, acquired the character of a typical behavioral norm (the threat of unauthorized leave), and in some cases of an atypical behavioral incident (the threat of suicide).

Keywords: Great Patriotic War; working youth; passive protest; “letters to authorities”; Novosibirsk region.

The article has been received by the editor on 01.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Романов Роман Евгеньевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: romanov1981@mail.ru
Romanov Roman E., Candidate of Historical Science, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia), e-mail: romanov1981@mail.ru

Аннотация. В научный оборот вводятся «письма во власть» комсомолки Н.З. Нечаевой (Томск) и учащихся ремесленного училища № 3 (Новосибирск), выявленные в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАО). Содержание этих писем имеет ключевое значение для понимания причин и форм пассивного протеста рабочей молодежи региона в годы Великой Отечественной войны. Публикации предваряются вводной статьей, в которой проанализированы материально-бытовые проблемы и реакция на них юных тружеников сибирского тыла. Установлено, что подростки и молодые люди испытывали огромные трудности с адаптацией к экстремальной повседневности тыловых городов. Одной из острых проблем являлось существенное снижение реальной оплаты труда на фоне увеличения налогообложения и государственных займов, инфляции из-за резкого роста розничных цен на городских рынках. Заработная плата основной массы юных рабочих позволяла им рассчитывать только на получение самых элементарных материальных благ – пищи и крыши над головой.

Выявлены негативные явления в сфере барачного быта военного времени, связанные с нехваткой жилплощади, суровыми жилищными условиями, дефицитом промтоваров и продовольствия, низкокачественным питанием. Большая часть заводской молодежи проживала в общежитиях-бараках, зачастую без коммунальных и бытовых удобств, испытывала нехватку одежды и обуви, потребляла низкокалорийные продукты в заводских столовых. Материальные тяготы и лишения вызывали в среде рабочего юношества негативные настроения, приводившие к пассивному протесту в виде многочисленных прогулов и самовольных уходов.

Показано массовое дезертирство с военного производства. Реконструированы носившие как непосредственный, так и опосредованный характер практики вербальной коммуникации между местными партийными, комсомольскими инстанциями и молодыми рабочими. Сделан вывод, что протестные действия юных заводчан, как правило, приобретали характер типичной поведенческой нормы (угроза самовольного ухода), а в отдельных случаях – нетипичного поведенческого казуса (угроза самоубийства).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; рабочая молодежь; пассивный протест; «письма во власть»; Новосибирская область.

В годы Великой Отечественной войны Новосибирская область являлась одним из крупнейших тыловых районов СССР¹. Во втором полугодии 1941 – начале 1942 г. регион принял не менее 170 предприятий, включая 50 оборонных заводов². В Новосибирск прибыло оборудование 23 заводов, находившихся в ведении военно-промышленных наркоматов, в Кузбасс – 20, в Томск – 7 заводов³. Размещение и введение в строй десятков новых производственных объектов вместе с крупномасштабными воинскими мобилизациями привело к обострению дефицита рабочей силы. Если в 1940 г. в промышленности области не хватало 48 тыс. рабочих, то на 1 июля 1941 г. – 222 тыс., на 1 января 1942 г. – 284 тыс., на 1 апреля 1942 г. – 336 тыс.⁴ Резкое ухудшение кадровой ситуации потребовало массового привлечения к труду незанятого городского и сельского населения.

В условиях военного времени формами комплектования рабочих кадров являлись трудовая мобилизация неработающих горожан и колхозников на производство, призыв несовершеннолетней молодежи в ремесленные, железнодорожные училища (РУ, ЖУ) и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), призыв комсомольцев на важнейшие участки

¹ До 26 января 1943 г. Новосибирская область, кроме современной территории, включала районы Кемеровской области, до 13 августа 1944 г. – Томской области.

² Акулов М.Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1967. С. 174, 178; Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. С. 87.

³ Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности... С. 87.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 4.

хозяйственного строительства, направление части негодных к службе военнообязанных в рабочие батальоны и колонны. По данным Комитета по учету и распределению рабочей силы при Совете народных комиссаров СССР, в 1942–1945 гг. на предприятия и в учебные заведения гострудрезервов Новосибирской области (в современных границах) было призвано 107,6 тыс. чел.⁵ Основную массу мобилизованного гражданского населения составляли подростки, юноши и девушки, впервые вставшие к заводскому станку. В этом контингенте находились школьники, студенты, выпускники РУ, ЖУ и школ ФЗО, домохозяйки, колхозники, воспитанники детских домов, освобожденные заключенные трудовых колоний, красноармейцы, демобилизованные по состоянию здоровья.

Социально разнородная людская масса, пришедшая на военно-промышленное производство, очень быстро «переплавлялась» в новых работников путем ускоренной профессиональной подготовки, продолжавшейся в зависимости от специальности от двух недель до трех месяцев. После завершения производственного обучения на предприятиях и в системе гострудрезервов юные рабочие включались в напряженную трудовую деятельность, сопровождавшуюся их активным участием в стахановском и ударническом движениях, движениях за присвоение молодежным бригадам званий «фронтовых» и «гвардейских». В конце 1942 г. доля стахановцев и ударников в составе рабочей молодежи Новосибирской области достигла 19 %, в середине 1944 г. – 60 %⁶. Многие из молодых производственников, внедрявших рационализаторские предложения и перевыполнявших нормы выработки, продвигались на руководящие должности бригадиров и мастеров. С 1 января 1943 г. по 1 января 1945 г. в промышленности Новосибирска число руководителей комсомольско-молодежных бригад увеличилось с 348 до 2 338⁷.

Комсомол стремился воспитать у юных тружеников идейную мотивацию к выпуску продукции для фронта. С точки зрения господствовавших идеологических канонов, каждый подросток или молодой человек должен был ориентироваться на нормативный эталон патриота, готового к самопожертвованию ради великой цели. В рассматриваемый период такой целью являлось бесперебойное обеспечение действующей армии средствами вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Самоотверженное служение ее достижению рассматривалось партийно-государственной машиной как проявление героизма, органично присущего советскому народу, защищавшему социалистическую Родину. В целом, юному поколению первой половины 1940-х гг. в рамках господствовавшей идеологии отводилась роль героев нового историко-революционного эпоса, неотъемлемым звеном которого стала Великая Отечественная война. Эта роль декларировалась в военно-патриотическом лозунге фронтовых бригад: «В труде как в бою». В публичном пространстве сибирского тыла эпический культ создавался вокруг стахановцев, выполнявших не менее двух норм выработки, руководителей молодежных производственных коллективов, обладавших высоким культурно-техническим уровнем, организационными способностями, лидерскими качествами.

Не отрицая феномена массового трудового героизма рабочей молодежи, стоит отметить, что далеко не все они обладали физической и волевой закалкой, позволявшей преодолеть материально-бытовые тяготы и психологические шоки военного времени. После поступления на оборонные предприятия юноши и девушки испытывали огромные трудности с адаптацией к тыловой повседневности. Одной из проблем было снижение реальной оплаты труда под влиянием существенного роста налогообложения и госзаймов, мощной инфляции. В 1941–1942 гг. среднемесячная зарплата рабочих военных заводов Новосибирска составляла 400–500 руб., в 1943–1944 гг. – 600–800 руб.⁸ С 1940 по 1944 г. различные вычеты из заработной платы

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82.

⁶ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 962. Л. 87.

⁷ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1570. Л. 22.

⁸ *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 356.

выросли с 9,5 до 28 %⁹, рыночные цены – в 10–20 раз¹⁰. На городских базарах на средний номинальный заработок можно было купить ведро картошки или несколько кусков мыла. С учетом отчислений, составлявших к концу войны более четверти заработка, большинство юных тружеников в лучшем случае имели возможность оплатить проживание в общежитии и выкупить скудный нормированный паек. Одни только затраты на общественное питание достигали 180–200 руб.¹¹ Для многих подростков, выполнявших подсобную или низкоквалифицированную работу, на эти затраты уходили почти все полученные деньги. Иногда их не хватало даже на покупку продуктов по продовольственным карточкам. Юные токари и слесари средней квалификации тратили на покупку продуктов более половины трудовых доходов. Заработки позволяли рассчитывать только на получение самых элементарных благ – пищи и крыши над головой.

Однако качество этих скромных «жизненных благ» оставляло желать лучшего. За годы войны в промышленности Новосибирска было введено не менее 250 тыс. кв. м жилья¹². В новом жилфонде преобладали наспех сооруженные постройки временного типа. Например, на заводе им. В.П. Чкалова сборно-щитовые и каркасно-засыпные бараки составляли 66,8 % нового жилья, каменные дома с центральным отоплением, водопроводом, канализацией и электроосвещением – 27,9 %, землянки и полуземлянки – 5,3 %¹³. На производственных объектах, вступивших в строй после эвакуации, доля так называемых «временок» была еще выше. Несмотря на активное жилищное строительство, жилищный кризис в городах Новосибирской области продолжал обостряться из-за наплыва эвакуированного населения, мобилизованных на военно-промышленное производство колхозников. Летом 1941 г. в Новосибирске на одного жильца в домах и бараках предприятий Наркомата боеприпасов приходилось 3,52 кв. м, летом–осенью 1943 г. – 3,46 кв. м¹⁴. В феврале 1945 г. на оборонных заводах Томска данный показатель составлял от 2,7 до 6 кв. м¹⁵. В учебных заведениях гострудрезервов Сибири при норме 3,3 кв. м размер жилплощади на одного человека варьировался от 0,8 до 1,2 кв. м¹⁶. Из-за дефицита жилплощади значительная часть молодых рабочих подселалась в квартиры и частные дома горожан. Десятки юношей и девушек не имели домашнего «угла» и проживали в заводских цехах.

В годы войны острая нехватка жилья усугублялась суровым барачным бытом. Общежития рабочей молодежи плохо освещались и отапливались. В вечернее время в жилых помещениях царил полумрак, а при низких температурах – холод. Летом в деревянные бараки попадала дождевая вода, зимой – снег, падавший через щели в крышах на спящих жильцов. Отсутствие регулярной уборки и неряшливый образ жизни подростков приводили к загрязнению и захламлению комнат мусором и нечистотами. В антисанитарных условиях появлялись тараканы и клопы, вынуждавшие порой спать в коридорах, на лестничных клетках и даже на крышах. Постоянными спутниками жизни обитателей заводских бараков являлись вши. Остро ощущался недостаток предметов домашнего обихода – столов, стульев, шкафов, тазов, умывальников, постельного белья и т. п. У заводчан изнашивалась одежда и обувь, а новую достать было очень трудно в силу товарного дефицита. Износ вещей вынуждал многих рабочих совершать прогулы, которые с точки зрения действовавшего трудового законодательства рассматривались как уголовные правонарушения.

⁹ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 235.

¹⁰ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1990. С. 17.

¹¹ *Парамонов В.Н.* Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3. С. 58–69.

¹² ГАНУ. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1770. Л. 149–150.

¹³ *Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. С. 246.

¹⁴ Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 518.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. П-607. Оп. 1. Д. 334. Л. 17.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 214. Л. 22.

Наиболее суровым испытанием для юношей и девушек стал острый продовольственный кризис. Согласно суточным нормам карточного снабжения рабочие в зависимости от отраслевой принадлежности, производственных условий, выполнения норм выработки должны были получать от 600 до 1400 г хлеба, от 600 до 800 г сахара и кондитерских изделий¹⁷. По месячным нормам им полагалось от 1800 до 4500 г мяса и рыбы, от 1200 до 3000 г крупы и макарон, от 400 до 1000 г жиров¹⁸. Наиболее весомые пайки выдавались персоналу, занятому на тяжелых, горячих и вредных работах, стахановцам, выполнявшим задания (на 300 % и более), наименее весомые – в отраслях легкой промышленности и на транспорте. Однако нормативы зачастую не выдерживались из-за сокращения централизованных фондов продовольствия, перебоев с поставками и недопоставок продовольствия, нецелевого использования нормированных пайков, массовых злоупотреблений и воровства со стороны сотрудников внутриведомственной торговли и отделов рабочего снабжения (ОРСов). Другой проблемой являлось низкое качество общественного питания. Однообразное меню заводских столовых зачастую включало плохо сваренный и низкокалорийный суп, состоявший из картофеля, овощей и дикорастущей зелени. В 1942 г. в Новосибирске средняя энергетическая ценность обеда составляла 335 ккал, в 1943 г. – 338, в 1944 г. – 440 ккал¹⁹. С учетом хлеба этот показатель едва достигал физиологического минимума в 1800–2000 ккал, не позволявшего организму полностью восстанавливать силы после длительного и напряженного труда. На почве постоянного недоедания в рабочей среде возникали массовые случаи физического истощения и дистрофии, вспышки инфекционных заболеваний.

Партийные и комсомольские организации предприятий предпринимали немало усилий для улучшения материально-бытового положения рабочей молодежи. Проводились месячники по ремонту и благоустройству общежитий, осуществлялось «выбивание» и распределение в заводских коллективах промтоваров, в том числе одежды и обуви, создавались подсобные хозяйства и коллективные огороды для организации дополнительного питания. Однако положительный эффект от принимавшихся мер «перекрывался» экстремальными условиями повседневной жизни в тыловых городах. Результативность этих мер снижало равнодушное или авторитарное отношение к молодым рабочим со стороны хозяйственников, часто не желавших решать социально-бытовые проблемы своих подопечных. В ответ возникало скрытое недовольство, а иногда и конфликты, в итоге выливавшиеся в пассивный протест юных заводчан, служивший их глубоко эмоциональной реакцией на конкретную жизненную ситуацию.

Самой распространенной формой такого протеста выступали негативные поведенческие стратегии (прогулы, «дезертирство» с производства). В январе–июне 1942 г. на новосибирских предприятиях Наркомата боеприпасов было зафиксировано 13,6 тыс. дисциплинарных проступков, в том числе 3,37 тыс. самовольных уходов, в июле–октябре 1942 г. – 22,4 тыс. и 7,45 тыс.²⁰ В 1943 г. с заводов и фабрик Новосибирска сбежало 20 тыс. чел., в 1944 г. – 10,2 тыс. чел.²¹ Основную массу «дезертиров» составляли чернорабочие и станочники низкой квалификации в возрасте до 25 лет с производственным стажем не более одного года. Причинами их бегства с места работы являлись низкая зарплата, наиболее тяжелые условия труда и быта, безразличное отношение к данным категориям работников со стороны директоров, начальников цехов, руководства первичных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В целом, наиболее широко девиантное поведение получило распространение в самых «нижних слоях» сибирского рабочего класса.

¹⁷ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 134–135.

¹⁸ Кузнецова О.Д., Аверченко М.А. Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 54–55.

¹⁹ Шутилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. С. 93.

²⁰ Оборонная промышленность Новосибирской области... С. 401.

²¹ Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири... С. 322.

Реакция руководителей военного производства на него, как правило, сводилась к применению репрессивного трудового законодательства. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. за прогулы следовало судебное наказание в виде исправительных работ на срок до шести месяцев и штрафы в размере до 25 % зарплаты, за самовольный уход – от двух до четырех месяцев тюремного заключения²². Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. самовольный уход был переклассифицирован в «дезертирство», за которое полагалось от пяти до восьми лет лишения свободы²³. В годы войны в сибирских регионах под судами и трибуналами оказались тысячи трудящихся, совершивших дисциплинарные проступки. Большинство из них составляли подростки и молодежь, нарушившие запрет на самостоятельную смену места работы не только из-за житейских мытарств, но и из-за отсутствия информации о действии этой законодательной нормы.

На фоне такого информационного вакуума неудовлетворенность материально-бытовым положением выражалась в устных практиках вербальной коммуникации, распространенных в молодежной рабочей среде. Данные практики функционировали в процессе общения юных тружеников с комсомольскими работниками, посещавшими предприятия с официальными проверками. В ходе этих проверок последние фиксировали критические высказывания юношей и девушек, в которых звучали не только жалобы на тяжелую жизнь, но и угроза самовольного ухода в случае непринятия неотложных мер по улучшению барачного быта. В качестве примеров можно привести следующие цитаты из отчетов инструкторов Новосибирского горкома ВЛКСМ, проводивших беседы с заводской молодежью: «Появились разговоры и толкования, если не создадут условий, убежим, и случаев убегает очень много²⁴; ребята, которые прожили зиму 1942/43 г. в тяжелых материальных условиях, бегут по 15–22 чел. в день, заявляя, что мы все разбежимся»²⁵. Эти выдержки из официальных документов свидетельствуют о том, что среди подростков и молодых людей имели место элементы открытого вербального протеста. Данное явление обуславливалось сочетанием двух факторов – низкого жизненного уровня и незнания новыми работниками законов, жестко регламентировавших социально-трудовые отношения.

Кроме устного информационного обмена с местными комсомольскими функционерами рабочая молодежь пыталась установить контакт с ними или представителями партийной номенклатуры с помощью личных или коллективных «писем во власть». В отличие от прямого диалога такой традиционный для советского периода жанр «общения» верхов и низов относился к опосредованным коммуникативным практикам. Как и в первом случае, юные заводчане выступали здесь в роли коммуникаторов, транслировавших информацию, а секретари обкомов и горкомов ВКП(б) и ВЛКСМ – принимавших ее реципиентов. Подростки и молодые люди сообщали партийным и комсомольским инстанциям регионального и городского уровня о тяготах повседневной жизни, несправедливом отношении к ним со стороны административного руководства или нижестоящих комитетов комсомола. В отдельных случаях авторы писем прибегали к сознательной демонстрации протестных настроений для того, чтобы привлечь внимание властных и общественных институтов к своим социально-бытовым лишениям. Эти настроения характеризовались различными формами выражения недовольства сложившейся жизненной ситуацией, более или менее типичными для рабочего юношества сибирского тыла.

²² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения 19.02.2019).

²³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения 19.02.2019).

²⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

²⁵ Там же. Ф. П-198. Оп. 1. Д. 186. Л. 182.

Ниже в соответствии с существующими правилами публикуются два источника личного происхождения – письмо комсомолки Н.З. Нечаевой от 27 мая 1943 г., выявленное в фонде П-190 (Новосибирский областной комитет ВЛКСМ), и письмо учащегося ремесленного училища № 3 от 2 декабря 1944 г. из фонда П-22 (Новосибирский городской комитет ВКП(б)) Государственного архива Новосибирской области.

Сравнительный анализ данных документов позволяет показать принципиально разные протестные позиции юных рабочих Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. В обоих письмах описываются схожие ситуации – наличие острых материально-бытовых проблем и отсутствие реакции на них со стороны соответственно Ленинского райкома комсомола Томска и руководства ремесленного училища № 3 Новосибирска. Для Н.З. Нечаевой основным «раздражающим» фактором являлось неравенство в сфере нормированного продовольственного снабжения, воспринимавшееся комсомолкой как вопиющая несправедливость и издевательство над мобилизованной молодежью. При этом виновники ее личных злоключений представлены в безликом образе «они», который мог возникнуть в силу как малообразованности, так и самоцензуры автора, вероятно, не желавшего критиковать конкретных людей. Для учеников РУ причинами обращения к первому секретарю Новосибирского горкома ВКП(б) Г.М. Асланову стали износ одежды, обуви, скудное питание и непринятие мер по ремонту общежития. Учащиеся обвиняли в своих бедах директора училища, по их мнению, злоупотреблявшего служебным положением.

Самое важное различие между публикуемыми источниками заключалось в декларируемых действиях, которые должны были совершить авторы писем при их игнорировании официальными инстанциями. Комсомолка Нечаева в знак протеста угрожала покончить жизнь самоубийством, воспитанники ремесленного училища – самовольно покинуть место учебы. В первом случае анонсированная угроза являлась скорее казусом, чем поведенческой нормой: это мог быть и искренний порыв отчаявшегося человека, оказавшегося у «последней черты», и риторический прием с целью наконец-то вызвать у «твердолобых» бюрократов человеческое сострадание и особое внимание к нуждам «челобитчика». Стратегия девиантного поведения «ремесленников», напротив, была типична для рабочей молодежи Новосибирской области. По существу, учащиеся РУ № 3 Новосибирска отразили и письменно зафиксировали формулу взаимоотношений с государством-работодателем, незримо присутствовавшую в массовом дезертирстве юношей и девушек с военного производства.

№ 1

Письмо комсомолки Н.З. Нечаевой в Новосибирский областной комитет ВЛКСМ

г. Томск

27 мая 1943 г.

Копия
Секретарю обкома комсомола
из г. Томска
от комсомолки Нечаевой Н.З.

Я была мобилизована райкомом комсомола на п[одсобное]х[озяйство] работать, но т[ак]к[ак] я работала в начале грузчицей в Новосибирске и здоровье потеряла и здесь комиссию не прошла. У меня больное сердце и сейчас еще катар желудка¹. Работаю я оператором в Черемошниках^а. И вот я уже вам несколько раз писала и в райком ходила, никто ничего не помогает.

^а Так в документе. Следует читать: Черемошниках (местность на северо-западе Томска в составе Ленинского района).

При поездке было все уворовано, документы нашлись, а так мне обещали помочь. Но вместо того, чтобы помочь – они делают наоборот. Зимой жутко было, всего навиделась, я вам уже описывала. Сейчас постель дали, спала полтора месяца на досках голых и вот сегодня пришли и отобрали. Обедов не дают. Дают одно первое два раза в день. Работаю сутками два раза в день, на 600 гр. хлеба я не могу прожить, нигде ничего не возьмешь, в столовой кормят вообще 3 раза, но не всех. Диспетчера получают по 800 гр. хлеба, сухой паек, получают в столовой стахановский обед². А зачем на[с] мобилизовали, издеваться над нами, смеяться над нами. Я скоро уже ног таскать не буду и на нищего похожу. Нет, я не позволю издеваться над нами, я решусь, я лучше утону. А они этого только и ждут. Раз я сирота, я совсем, видно, мешаю на свете.

Если вы мне не поможете, это последнее письмо мое вам.

Давите, презирайте комсомольцев, но неправда, за меня, честного комсомольца, всегда отомстят всем, как немцу. Меня в детдоме не презирали как здесь. Прошу дать ответ и помогите мне, я дальше не могу жить так. Вот мои последние слова. Пусть я утону, а им [...]

Пусть радуются.

Дайте ответ.

27/V-43 г.

[подпись]

ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 736. Л. 28. Заверенная копия того времени. Машинопись. Подпись – машинопись.

№ 2

Письмо учащихся ремесленного училища № 3 г. Новосибирска секретарю Новосибирского горкома ВКП(б) Г.М. Асланову

г. Новосибирск

2 декабря 1944 г.

тов. [Г.М.] Асланову^а

Директор Козлов не обращает на нас [внимания], мы раздеты. Кормят плохо, а комиссия от вас приходила, для их готовят отдельно, наше не видят. Окна в общежитии не ремонтируют, нам новый комендант все делает, а ему никто не помогает начальство, нам его уже жалко, вы хотя [бы] помогите. Козлов никогда не говорит правду, ему не кто не верит, узнайте, как он и работников своих обманывает. Если непоможете, будем уходить домой.

ГАНУ. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60. Подлинник. Рукопись. Без подписей. Орфография и пунктуация документа сохранены полностью.

КОММЕНТАРИИ

¹ Катар желудка – гастрит.

² Стахановский обед – особое меню, полагавшееся стахановцам военного времени в заводских столовых. Включало второе горячее блюдо, состоявшее из продуктов питания, производимых в подсобных хозяйствах предприятий.

Литература

Акулов М.Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. [Ставрополь]: [б. и.], 1967. 332 с.

Кузнецова О.Д., Аверченко М.А. Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 52–67.

^а Так в документе. Следует читать: тов. [Г.М.] Асланову (первый секретарь Новосибирского горкома ВКП(б)).

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 317 с.

Парамонов В.Н. Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского государственного университета. 1999. № 3. С. 58–69.

Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 449 с.

Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграр. ун-та, 2008. 448 с.

Шумилов В.Н. Создание оборонной промышленности Новосибирской области (1941–1945). Новосибирск, 2000. 204 с.

Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кузбасс, 2004. 218 с.

References

Akulov, M.R. (1967). *Promyshlennoe razvitie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Industrial development of Siberia during the Great Patriotic War]. Stavropol. 332 p.

Kuznetsova, O.D., Averchenko, M.A. (2015). Organizatsiya prodovol'stvennogo snabzheniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Organization of food supply during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*. No. 3, pp. 52–67.

Orlov, I.B. (2010). *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow, GU-VShJe. 317 p.

Paramonov, V.N. (1999). Teni voennogo vremeni 1941–1945 gg.: raspredelenie i spekulyativnyy rynek [Shadows of war time 1941–1945: distribution and speculative market]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp.58–69.

Savickiy, I.M. (2005). *Vazhnejshiy arsenal Sibiri: razvitie oboronnoi promyshlennosti Novosibirskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The most important arsenal of Siberia: the development of the defense industry of the Novosibirsk region during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 449 p.

Shevchenko, V.N. (2008). *Sibirskii arsenal Pobedy: stanovlenie i razvitie oboronnoi promyshlennosti Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Siberian Arsenal of Victory: the establishment and development of the defense industry of Siberia during the Great Patriotic War]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarskogo gos. agrarnogo un-ta. 448 p.

Shuranov, N.P. (2004). *Sozdanie oboronnoi promyshlennosti Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Creation of the defense industry of Western Siberia during the Great Patriotic War]. Kemerovo, Kuzbass. 218 p.

Статья поступила в редакцию 01.08.2019 г.